

МАРИЯ ГУРОВА

СТАЛЬНЫЕ
ПОСЕВЫ

ПОТЕРЯННЫЙ
ДВОР

LIKE
BOOK

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г95

Художественное оформление *Я. Клыга*

Иллюстрации и художественные элементы — *Veneden*

Гурова, Мария.

Г95 Стальные посе́вы. Потерянный двор / Мария Гурова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Young Adult. Хиты молодежного фэнтези).

ISBN 978-5-04-189869-4

Пятьсот лет до Великой войны. Эскалот и Горм разрознены. Здесь, на меже веков и культур, поля засеяли озимые идеи единого королевства. Они залегли в землю доспехами и мечами павших. И оставалось ждать, когда стальные посе́вы взойдут... Потерянный двор Илии I все больше походит на образ из глубины веков. Феи выходят из невидимых замков, ожившие танки пугают тех, кто не верил в чудо... Слишком много героев настоящих и прошлых войн теперь не знают, как жить в мире, полном тишины.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гурова М., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-189869-4

СТАЛЬНЫЕ
ПОСЕВЫ

ПРОЛОГ

похи, как и правители, умирают и рождаются в королевских спальнях. Колыбель новой вехи готовилась принять в свои перины наследника короля Оттава I. В такие дни в опочивальнях всегдалюдно и шумно. Самое потаенное и личное, что каждый человек вправе разделить только с семьей, монарх доверяет множеству зевак: роды, первую брачную ночь, тяжелую болезнь и, наконец, смерть. Многочисленных гостей нельзя выгнать, они привилегированы засвидетельствовать зачатие и рождение первенца, борьбу тела с болезнью, его победу или поражение. Столпившиеся люди молятся, причитают, изредка выдают советы, выглядывают из-за спин друг друга, шепчутся. Шепот... Иногда он так напоминает шелест протянувшегося шлейфа, что можно спутать. С младых лет принцы и принцессы носят многослойные пышные одежды, чтобы привыкнуть к постоянному шуршанию за спиной. И если они научатся не оборачиваться к преследующим звукам, то, может быть, не сойдут с ума, когда понесут

на себе корону. Может быть, они не станут бояться предательства, заговоров, вечного шороха.

Вот и сейчас по устам придворных носится слух — главная повитуха проболталась, будто королева носит двойню. Сложно представить, как ей сейчас невыносимо — хрупкая болезненная леди, она еле ходила последние дни с раздавшимся животом. А теперь кричит так, будто готовится отдать Даме душу. Станется еще, что она не разродится, поговаривают в дальнем углу покоев. Или принесет двух наследников династии Лейтинов, предполагают лучший исход их собеседники.

— Ваше Величество, тужьтесь! — настаивает повитуха, наваливаясь всем весом на королевские ступни.

Она так крепко ухватила за ее щиколотки, что того и гляди сломает. Королева ревет и пытается вытолкнуть дитя.

— Я не могу! — хнычет она. — Позовите короля!

— Тужьтесь! — не сдается повитуха.

— Я должна проститься! — требует она в неистовстве.

Страшные слова заводят хоровод из девушек вокруг постели. Они начинают носиться по кругу с тряпками, обтирая роженицу и откидывая ее светло-рыжие волосы за спину. Королева такая... эскалотка. Принцы получатся прекрасными, переговариваются фрейлины. Если появятся на свет.

— Что вы такое говорите?! — возмущенно восклицает повитуха. — Вы со всем справляетесь! Еще постарайтесь...

— Оттав! — воет королева в сторону дверей. — Оттав, прошу тебя!

Ее надрывный вопль разлетается по коридорам, и эхо доносит ее мольбу королю. Оттав I мается у входа в крыло. Он приходит сюда уже в третий раз за шесть часов. Услышав крик, король срывается с места и широким шагом несется к покоям. За ним поспевают советник и придворный чародей Руперт Ферроль.

— Ваше Величество, стойте! Вам нельзя входить!

— Гюста! — откликается Оттав и различает, как она заходится плачем, услышав о его приближении. — Она там одна!

— Она там не одна. — Ферроль не пускает его, обгоняя и вставая между королем и дверью.

— Значит, и я могу войти.

— Не можете, сир. — На этом Ферроль раскидывает руки, будто король вознамерится юркнуть мимо, а не повелеть ему отойти. — Если войдете до рождения детей, навлечете беду! Я утверждал и повторю: ваши первенцы родятся, они принесут династии славу, что воспоют в веках. Но проявите терпение...

— Оттав! — звучит новый крик из опочивальни.

Лицо короля омрачается мученическим выражением, он подносит кулак к губам, сдерживая рвущиеся из них слова. Победив эмоции, Оттав разворачивается на пятках и стремительно уходит прочь. Ферроль остается стоять у двери, как охранный пес. Он обещает вслед королю: «Я тотчас же за вами пошлю!»

В покоях охают и умиляются, но работы не оставляют: показалась голова младенца. Королева тужится так, что на ее лице можно увидеть кружево вспученных

вен. Повитухи передают друг другу теплые полотенца и какие-то слова. Опять этот шепот.

— Почему вы шепчетесь? — громко вопрошает Гюста. — Что там?! — из последних сил кричит она.

— Ребенок застрял, но я сейчас постараюсь его вернуть, — заверяет повитуха и исполняет обещание.

Но по ее растерянному лицу заметно, что все складывается худшим образом.

— Он сейчас задохнется! Он же там задохнется. — Королева плачет, не в силах больше стараться.

Повитуха отталкивается от кровати и бежит к толпе дам. Она беспардонно хватается за руки, поочередно перебирая их под удивленные возгласы. Наконец, она вытягивает вперед юную девушку и тащит за запястье к кровати.

— Сюда, быстрее! У вас маленькие руки, тонкие кисти. Вам нужно пролезть внутрь и достать дитя, — научает ее повитуха.

Леди — двенадцатилетняя девочка с огромными испуганными глазами — мотает головой и шарахается.

— Я не смогу!

— Сможете. Иначе королева умрет. Принцы умрут. Вы можете всех спасти.

Девочка с ужасом смотрит на окровавленные подола камизы и багровую, почти фиолетовую головку под ними. Она переводит взгляд на лицо королевы, когда та еле слышно молит ее: «Пожалуйста». Девочку бьет крупная дрожь, она плачет, но опускается на колени у кровати, закатывает широкие расшитые манжеты и тянет руки к ребенку. Гюста кричит так, будто ее четвертуют

или сжигают заживо. Девочку бьет дрожь до стука зубов, она хнычет, но делает все, что ей кричит на ухо повитуха. Охватывает, поворачивает, тянет. На подставленные ладони помощниц падает младенец. Или двое младенцев? Кровь и пуповина летят на пол и платье девочки. Она всматривается в новорожденного. И когда ей удастся его рассмотреть, она разворачивается прочь, отползая от него на четвереньках. И маленькую леди тошнит на деревянный пол. К ней, не выдержав, бросается ее мать.

Повитухи поспешно отходят к окну и выстраиваются в плотный ряд, будто защищая дитя от присутствующих. И только главная пытается привести ребенка в чувство. Слышны шлепки. Гюста распласталась по кровати, не в силах что-либо спросить.

— Это принц? — с восхищением спрашивает мать девочки, вытирая платком рвоту с ее лица и кровь с рук. — Нет? Принцесса? Я не понимаю... Ну, все закончилось, успокойся.

Мать прижимает девочку к корсажу и баюкает. Сквозь ее тихое хныканье прорывается громкий плач младенца и тут же множится эхом.

— О, благодарим тебя, милостивая Дама! Живой! — восклицают присутствующие и принимаются аплодировать.

Под эти звуки Гюста оживает и поворачивает голову к окну. Она требует у повитухи:

— Дай его мне! Покажи! — она тянется к ребенку, как может. — Это мальчик? У меня сын?

Но на лице повитухи не светится радость — только солнечный луч. Она отходит от окна, держа кричащего малыша в охапку. Повитуха громко приказывает:

— Пошлите за Его Величеством королем. И я прошу всех удалиться.

Общее недоумение сменяется упреками.

— Мы должны засвидетельствовать рождение наследника, — отвечают из толпы.

— Он родился, вы свидетели, — парирует повитуха и еще больше подтягивает край пеленки к головке.

— Назовите пол ребенка! — кричат дамы. — Покажите его! А как же второй ребенок?

— Первенец — мальчик! — прикрикивает на них повитуха, а потом указывает на маленькую леди. — Свидетельство о том имеется.

Но дамы без приказа монарших особ не желают покидать покои. Одна пожилая леди поднимает руку, призывая к тишине, и спрашивает у малышки, которая все еще дрожит в объятиях матери.

— Леди Восвелл, уточните, вы видели, что родился мальчик?

Малышка изнуряюще долго молчит, а потом признается:

— Простите, мадам, мне неизвестно, чем мальчики без одежды отличаются от девочек.

Поднимается гомон, но его пресекает появление короля. Оттав нетерпеливо спрашивает:

— У меня сын? Девочка? — В его глазах мерцают слезы радости, когда он задает оба вопроса и переводит взгляд, полный нежности и благодарности, на замученную Гюсту.

В комнате он единственный счастливый и безмятежный человек.

— У вас мальчик, сир, — отвечает повитуха. — Поздравляю!

Она семенит навстречу королю, но не отдает ему ребенка в руки, а что-то едва слышно шепчет ему на ухо.

— Что опять? Почему никто не говорит мне? — не выдерживает Гюста, поднимаясь на локтях.

Рука короля в перчатке из овечьей выворотки тянется к свертку и отбрасывает край пеленки. Гюста замечает, как былая радость оставляет Оттава, и на смену ей приходит потерянности. Но король берет себя в руки и говорит:

— Сегодня родился принц. Оставьте королеву набираться сил.

Когда людской поток просачивается в обе двери, Оттава подносит кричащего младенца к жене. Гюста принимает к груди странное двуглавое существо. Оно дергает скрюченными ножками и ручкой. Другая конечность, больше похожая на куриное крылышко, странно загребают воздух. Правая голова, та, что больше, надрывно кричит. А маленькая — хнычет и причмокивает. Сморгнув слезы, Гюста поднимает глаза на супруга.

— Ты ведь не отречешься от него? Ты не убьешь его, Отто?..

Она странно ведет плечом, будто закрывая своим телом нелепое существо. Оттава гладит Гюсту по светлым волосам, целует в лоб и обещает:

— Конечно, нет.

— Тогда дай ему имя. Два имени. Им нужно два имени, Отто. — Она плачет над детьми.

— Я думал, если будет сын, назвать его Гийоммой, — растерянно произнес король.

— Тогда можно старший будет Ги, а младший Йоммой? — договаривается королева, словно без имен ее детей могут отобрать и казнить в любой момент.

— Да, — соглашается Оттав. — Нарекаю их Ги и Йоммой, принцами эскалотскими.

Он церемонно касается губами их лысых макушек, нисколько не выказывая отвращения. Жизнью первенцы обязаны доброте матери и милосердию отца. Он так сильно любит свою Гюсту, что и представить не может, как смел бы вырвать у нее детей. Оттав знает, этот жест — слабость. Но как любой человек, король может проявить ее и понадеяться, что Дама примет его гордость в жертву и призрит его семью. И может быть, однажды пошлет им еще детей.

ГЛАВА I. УРОЖАЙНЫЙ ГОД

Шестилетние Ги и Йомма не упускали возможности радоваться жизни и благодарили за нее родителей. Верно уточнить, что радость была по части старшего Ги, а благодарность и иные добродетели достались Йомме, как и многие обязанности. Так, например, лекарь, несколько раз их ощупав, заверил, что у принцев один позвоночник, две шеи и, возможно, три почки. В последнем он расписался неуверенно, но зато нисколько не сомневался, что все прочие внутренности у них общие. Потому, когда капризный Ги не желал лечиться, Йомма принимал горькие лекарства и самые невкусные, но полезные отвары. В ранние годы жизни малыш Йомма принимал на себя и вину за проступки брата, но воспитатели быстро заметили, что Ги повелевает большей частью тела, нежели Йомма. Ги владел десницей, на которой насчитывались все пять пальцев, и мог указывать обеим ногам, что делать. В то время как Йомме досталась возможность иногда шевелить левой ступней, и то если брат